

Материалы XII Волошин. чтений «Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...». Феодосия : РА «Арт-Лайф», 2009.

Суходуб Т.Д. Искусство как культ человечности: код творчества Волошина // Волошин. чтения «Совопросник века сего...». Симферополь : Антиква, 2013.

Тарасов Б.Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, неслышанный Достоевский. Спб. : Алетейя, 2012.

Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М. : Культурная революция, Республика, 2007.

УДК 821.161.1-32(Паустовский К. Г.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44

Ю.Е. Ягжина

*(Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия)*

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РОМАНА К.Г. ПАУСТОВСКОГО
«БЛИСТАЮЩИЕ ОБЛАКА» (РЕМИНИСЦЕНЦИИ
Э.Т.А. ГОФМАНА И А.С. ГРИНА)**

Аннотация. В статье выявлены интертекстуальные связи романа К.Г. Паустовского «Блистающие облака» с произведениями Э.Т.А. Гофмана и А.С. Грина. Показана значимая роль интертекста в романе. Доказывается, что в намеренных отсылках к литературному наследию других авторов состоит творческая индивидуальность ранних произведений К.Г. Паустовского.

Ключевые слова: романы, интертекстуальность, русская литература, русские писатели.

Ранний период творчества К.Г. Паустовского нередко рассматривался как «проба пера», а потому не воспринимался всерьез. Произведения этого времени обычно засчитывались писателю как «прегрешения молодости», как литературная дань романтизму [Чачко 1935: 13]. Как справедливо заметил Л.П. Кременцов, «критика упоминала произведения, созданные до “Кара-Бугаза”, главным образом для того, чтобы на их фоне

подчеркнуть успехи Паустовского в тридцатые годы» [Кременцов 2002: 32].

Немногие литературоведы отмечали значимость первых произведений Паустовского. Так, положительно характеризует этот период творчества А. Роскин, отметивший что-то «уверенное», «завладевшее читателем» в художественной манере раннего Паустовского [Роскин 1938: 172]. Е.С. Терехова видит своеобразие раннего творчества писателя в «специфике образного мира начинающего автора, стремящегося уйти от стереотипов и штампов в поисках новых красок для описания привычных вещей» [Терехова 2012: 187].

Роман Паустовского «Блистающие облака» часто рассматривали не как самостоятельное произведение, а как отголосок творчества А. Грина. Появление романа в печати в 1929 году было встречено сдержанно, как и вообще все то, что публиковалось в 1920-е годы Паустовским, за которым тогда прочно утвердилась характеристика «пассивного романтика», эпигона А. Грина [Ачкасова 1967: 171]. Как свидетельство этому доводу, «Блистающие облака» называли «обывательским чтивом» и «никчемной вредной книгой» [Рожков 1929: 26 – 27], в романе видели «дешевую философию и бульварную психологию» [Лихарев 1929].

Первым голосом в защиту произведения «Блистающие облака» стал отзыв А. Палея, опубликованный в газете «Красная звезда». Указывая на ряд недостатков романа, рецензент тем не менее считал правомерным само обращение писателя к приключенческому жанру и положительно отзывался о художественных достоинствах книги, о романтической ее направленности, которая определялась как «революционная романтика», нужная и полезная для читателя [Ачкасова 1967: 172]. О пользе этого романа для понимания литературного процесса того времени пишет и Л.С. Ачкасова: «В романе “Блистающие облака” отразились важные итоги глубоких раздумий Паустовского-художника и гражданина сложной и бурной эпохи 20-х годов» [Ачкасова 1967: 173]. Современник Паустовского Даниил Гранин вспоминает, что в школьные годы «зачитывался» романом писателя, у него «щемило сердце» от

диалогов героев, а описания природы и людей заставляли чувствовать «шелест страниц» [Гранин 1989: URL].

После длительного забвения первых произведений Паустовского современные литературоведы вновь обратили на них внимание. Так, Л.П. Кременцов рассматривает роман «Блистающие облака» как поиск Паустовским «своего читателя» [Кременцов 2002: 49], Е.С. Терехова исследует жанр, стилевое своеобразие и композицию романа [Терехова 2012: 165 – 168].

А.В. Громова обратила внимание на интертекстуальность ранней прозы писателя: «В романах Паустовского 1920-х годов присутствует густой реминисцентный слой, важный для понимания концептуальной позиции автора» [Громова 2010: 205]. Действительно, на страницах романа «Блистающие облака» мы находим прямые и скрытые отсылки к произведениям Э.Т.А. Гофмана, А.С. Пушкина, Л.А. Мея, А.П. Чехова, М. Эредиа, Дж. Лондона, К. Гамсуна, А. Грина, И. Ильфа и Е. Петрова. А. Роскин отмечал, что Паустовский не скрывал своих книжных увлечений, а смело акцентировал их – и в самой этой акцентированности уже обнаруживалась писательская индивидуальность [Роскин 1938: 172]. Полное рассмотрение интертекстуальных связей романа Паустовского «Блистающие облака» с произведениями названных авторов станет одной из задач последующего исследования, целью же данной статьи стало выявление в романе интертекста Гофмана и А. Грина.

Эпиграфом к роману «Блистающие облака» является выдержка из «учебника метеорологии»: «Блистающие, или светящиеся, облака наблюдаются очень редко. Их часто принимают за ненормально яркие зори. Они слагаются из мельчайших частиц вулканической пыли, носящейся в воздухе после сильных катастрофических извержений» [Паустовский 2012: I, 197]. Как заметил Л.П. Кременцов: «Контраст между суховатыми словами из учебника, несущими точную, проверенную информацию, и романтическим названием произведения, которое в сознании читателя могло ассоциироваться с названием книги А. Грина “Блистающий мир”, – очевиден» [Кременцов 2002: 51]. Однако вовсе не очевидно существование упомянутого учебника, так как

«блистающие» – это не научный термин, а эпитет Паустовского, который мастерски умел сочетать реальность с вымыслом.

Несомненно, творчество А. Грина оставило заметный след в судьбе Паустовского, который через много лет после первой и единственной встречи с писателем вспоминал об этом дне в «Повести о жизни». Желание поблагодарить А. Грина за прочитанные в юности и не забытые впоследствии книги выражается в строках: «...Мне страшно хотелось сказать ему, как он украсил мою юность крылатым своим воображением, какие волшебные страны цвели, никогда не отцветая, в его рассказах, какие океаны блистали и шумели на тысячи и тысячи миль, баюкая бесстрашные и молодые сердца» [Паустовский 2012: VI, 428]. Более того, А. Роскин видит подобные «воспоминания о Грине» во всем творчестве писателя: «Чем своевольней работала фантазия Паустовского, тем ближе были его вымыслы к литературным воспоминаниям и, прежде всего, воспоминаниям об Александре Грине» [Роскин 1938: 168]. Нельзя отрицать того факта, что творчество А. Грина повлияло на литературную судьбу Паустовского. Справедливы слова исследователей о том, что «ранний Паустовский выступает как прямой преемник и последователь Грина. Образ Грина встречается в произведениях Паустовского и преломленным через героев его книг и отраженным в высказываниях самого автора» [Колесникова 1940: 218]. Безусловная связанность творчества двух писателей вовсе не означает, что талант Паустовского взращен исключительно на произведениях А. Грина. Паустовский создавал на страницах книг яркий и неповторимый художественный мир, исключительной чертой которого стало неустанное стремление связать свою историю со всей мировой литературой.

Название роман А. Грина «Блистающий мир» объясняется строками песни Друда – умеющего летать главного героя: «Тот путь без дороги, зовущий в блистающий мир» [Грин 2011: 78]. Персонаж А. Грина – бескомпромиссный романтик, зовущий за собой Тави в «мир недоступный, может быть, всем. Там тихо и ослепительно. Но тяжело одному сердцу отражать блеск этот» [Грин 2011: 192]. Исследователи находили, что свои повести

Паустовский заселял людьми, «эмигрировавшими» из гриновских книг [Роскин 1938: 169]. Так и важнейшая характеристика того исключительного и недоступного мира героев Грина находит свое место в заглавии романа Паустовского «Блистающие облака», сюжет которого строится на авантюрном поиске тремя романтиками дневника летчика Нелидова. В процессе этих поисков каждый герой обретает свой романтический идеал, но при этом не уходит от реальности, а «твердо стоит на ногах» [Терехова 2012: 166]. Роман заканчивается размышлениями Батурина о том, что следует жить так, будто «на земле наступила уже эпоха расцвета». В это время над Москвой «занимался обыденный зимний день», но взгляд главного героя устремился в небо, где лишь романтик способен различить блистающие облака: «Над угрюмыми дымами блистали облака. Они казались праздничными среди этого косматого утра. Их блеск проливался на город воспоминанием о жаркой, неизмеримо далекой стране. Синева этой страны, затопленной выше гор белым солнцем, шумела морскими ветрами и веселыми голосами людей» [Паустовский 2012: I, 379].

Обращаясь к дневникам Паустовского, находим следующую запись за 1927 год: «Жестокие морозы, костры, Москва в дыму. Фраерман в Могилеве. “Ревизор” у Мейерхольда. Прекрасно. Голубые гусары, гофманские сказки...» [Паустовский 2002: 195]. Перечисляя события и занятия того времени, писатель не забывает упомянуть и о Гофмане. Спустя два года Паустовский публикует роман «Блистающие облака», в котором, на наш взгляд, прослеживается явная связь со сказками Гофмана. В подтверждение этой гипотезы литературовед Г. Колесникова отмечала сходство героев в ранних произведениях Паустовского с героями Гофмана [Колесникова 1940: 218].

В тексте романа дважды упоминается имя немецкого писателя. Так, осенней ночью герои слушали рассказ Симбирцева, и в это время «синий дым табака рождал мысли о Гофмане» [Паустовский 2012: I, 208]. Действительно, в произведениях Гофмана мир героев часто наполнен дымом или туманом. Например, в повести «Майорат» атмосфера готики

создается, в том числе, и с помощью описания дыма и тумана: «В замке, у камина, за чашей дымящегося пунша, я продолжал быть героем дня» [Гофман 1962: I, 292]; «Навстречу ему повалил удушливый дым» [Там же: 331]; «Весенние туманы застилают, летние испарения покрывают дымкой <...> пока наконец все земное бытие не скроется во мраке зимы» [Г Там же: 308]. Этот же прием наблюдаем в «Известиях о дальнейших судьбах собаки Берганца» («Как Оссиановы призраки из густого тумана, вышел я на вольный воздух из комнаты, полной табачного дыма» [Гофман 1991: I, 94]; «Августом серном дыму полыхающего котла, все бешеной вертяться, плясали ведьмы» [Там же: 102]), а также в повести «Золотой горшок: сказка из новых времен» («...На столе Паульмана уже дымился превосходный пунш» [Гофман 1962: I, 139]) и в самой известной сказке Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», где функцию тумана выполняет зимний сумрак: «А ночь, таинственная рождественская ночь, уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком» [Гофман 2005: 10].

Туман и у Гофмана, и у Паустовского интерпретируется не только как природное явление, но и как средство создания атмосферы тайны, перехода в другую реальность. Например, оба художника используют образ тумана для перехода от состояния сна к яви (и наоборот) своих персонажей: «Батурин открыл глаза, туманные от множества снов» [Паустовский 2012: I, 365] – «...Над плитой поднимались облака ароматного пара, и они серебряным туманом клубились перед глазами Мари, застывая и заслоня начищенную до блеска кухонную утварь, горы диковинных плодов, да и самого Щелкунчика» [Гофман 2005: 56].

В представлении Паустовского образ тумана / дыма ассоциируется с Гофманом, но эту же деталь мы находим в предложении, интертекстуально связанном с литературным наследием А. Грина: Таганрог «казался сказочным городом, освещенным синим пламенем пунша, каким-то выдуманном гриновским Зурбаганом» [Паустовский 2012: I, 246]. На данную реминисценцию обратил внимание А. Роскин, который считал, что описывая Таганрог, Паустовский видел в нем «тот же Зурбаган – но под псевдонимом, заимствованным из географии.

Это был город Паустовского, находившийся где-то рядом с городами страны Грина» [Роскин 1938: 169]. Таким образом, в одном предложении Паустовский совмещает сразу два пласта интертекста, отсылающих читателя к литературе разных стран и веков.

Акцентируя внимание на сказке Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», мы находим интертекстуальные связи с романом Паустовского «Блистающие облака» не только в образе тумана (сумрака, дыма), но и в мотиве борьбы с крысами.

Герои Паустовского на протяжении всего романа сталкиваются с крысами: приехав в Ростов, Батулин чувствует запах крыс [Паустовский 2012: I, 231]; Заремба и тискальщик Сережа борются с крысами, применяя при этом различные способы: «Крыс он [Заремба] решил истребить: каждый день они залезали к нему в кассу с заголовочными шрифтами, перерывали шрифт, гадили, грызли переборки. Потом оказалось, что тискальщик Сережка клал после ухода Зарембы в кассу кусочки хлеба и приманивал крыс» [Там же: 324]; наконец, даже сам капитан наступает на крысу («В переулке он задел ногой крысу, она взвизгнула и, жирно переваливаясь, побежала перед ним. Капитан остановился, прислушался и сказал: “Вот паршиво! Скорей бы конец!”») [Там же: 329].

Многочисленные столкновения героев с крысами дают основание для проведения параллели между романом Паустовского «Блистающие облака» и упомянутой выше сказкой Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король». Следует отметить, что Щелкунчик и его армия борются с вредителями, лейтмотив которых – характерный визг и писк. Например, мыши с «отвратительным писком» атакуют противника; у Мари «забегали мурашки» от «ужасного и пронзительного писка»; с «противным шипеньем и писком» появляется Мышиный король. Интересно, что такой же писк сопровождает поражение в бою двух противников Батулина – тряпичного человека и Лойбы: «Батулин ударил его по голове, раздался крысиный писк, клубами взвилась шершавая пыль. Тряпичный человек упал мягко и тупо...» [Там же: 275]; «Батулин стремительно ударил Лойбу кулаком в

переносицу. Лойба схватился за стену, издал крысиный писк и упал на стул мягко и тупо» [Там же: 277].

Таким образом, мотив борьбы с крысами и сопровождающий поражение отрицательного героя крысиный писк образует интертекстуальную связь романа Паустовского «Блистающие облака» со сказкой Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король».

Обозначенная связь обретает еще большее значение, если сопоставлять тексты Паустовского и Гофмана с рассказом А. Грина «Крысолов». Т.Е. Загвоздкина называет «страшный ночной мир» Гофмана архетипом «крысиной мифологемы Грина». Главный вредитель сказки Гофмана, семиглавый Мышиный король, трансформируется у Грина «в черную гвинейскую крысу», укус которой очень опасен, так как «он вызывает медленное гниение заживо, превращая укушенного в коллекцию опухолей и нарывов» [Грин 1965: IV, 390]. В своем исследовании Т.Е. Загвоздкина называет гриновского крысолова «гофманским персонажем» [Загвоздкина 2005]. Следовательно, мотив борьбы с крысами в романе Паустовского раскрывает целую совокупность реминисценций.

В данной статье мы нашли и раскрыли интертекстуальные связи романа Паустовского «Блистающие облака» с произведениями Гофмана и А. Грина. Проведенный анализ позволяет отрицать несправедливое отношение к ранним произведениям Паустовского лишь как к отражению творчества А. Грина. Паустовский не столько подражал тем или иным произведениям Грина, сколько стремился продолжить его дело в литературе [Роскин 1938: 172]. Изысканность формы романа с его подтекстом, литературными реминисценциями могла быть препятствием на его пути к массовому читателю [Кременцов 2002: 52]. Однако именно обилие реминисценций делает содержание романа многомерным, сложным. В намеренном включении прямых и скрытых отсылок проявляется индивидуальность писателя. В романе «Блистающие облака» Паустовский выступает как романтик, черпающий темы для творчества в прочитанных книгах, в туманных, волнующих

снах, в воображаемых путешествиях по необыкновенным странам [Колесникова 1940: 218].

Литература

Ачкасова Л.С. Роман К.Г. Паустовского «Блистающие облака» в свете идейно-эстетической эволюции писателя // Вопросы романтизма : сб. статей / под ред. Н.А. Гуляева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1967. Вып. 3. С. 171 – 196. (Учен. зап. Казан. ун-та. Т. 127. Кн. 2).

Гофман Э.Т.А. Избранные произведения: в 3 т. М. : Худож. литература, 1962.

Гофман Э.Т.А. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. литература, 1991.

Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и Мышиный король / пер. с нем. Л. Яхно. М. : Стрекоза-Пресс, 2005.

Гранин Д. Чужой дневник // Гранин Д. Наш комбат. М. : Правда, 1989. URL: <http://lib.ru/PROZA/GRANIN/strjourn.txt> (дата обращения: 9.11.2016).

Грин А. Алые паруса; Блистающий мир; Бегущая по волнам; Автобиографическая повесть. М. : СЛОВО/SLOVO, 2011.

Грин А.С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1965.

Громова А.В. Интертекстуальность ранней прозы К.Г. Паустовского: постановка проблемы // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. М. : МГПУ, 2010. Вып. 5. С. 205 – 214.

Загвоздкина Т.Е. Романтическая мифологизация в рассказе А.С. Грина «Крысолов» // А.С. Грин: взгляд из XXI века. К 125-летию Александра Грина: сб. ст. Киров, 2005. URL: http://grinworld.org/salvatory/salvatory_04_25_1.htm (дата обращения: 9.11.2016).

Колесникова Г. Прощание с экзотикой // Красная новь. 1940. № 1. С. 218 – 226.

Кременцов Л.П. Книга о Паустовском: Очерки творчества. М. : Жизнь и мысль, 2002.

Лихарев Б.М. К. Паустовский. Блистающие облака // Резец. 1929. № 46. Обложка.

Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма : в 2 т. Н/Новгород : Деком, 2002. Т. 2.

Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 7 т. М. : Книговек, 2012.

Рожков П. Пара литераторов и один капитан // Книга и революция. 1929. № 10. С. 27.

Роскин А. Путешествие из страны Грина // Литературный критик. 1938. Кн. 5. С. 167 – 187.

Терехова Е.С. Художественная эволюция К.Г. Паустовского: 1910–1920-е годы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012.

Чачко А. Творческий путь К. Паустовского // Детская литература. 1935. № 9. С. 12 – 21.

УДК 821.161.1-2(Шварц Е. Л.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,446

М.О. Ганина

*(Гюменский государственный университет,
Гюмень, Россия)*

МИФЕМЫ В СТРУКТУРЕ ПЕРСОНАЖА ПЬЕСЫ Е.А. ШВАРЦА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Аннотация. В статье проводится анализ содержательности детали в структуре действующих лиц пьесы Е. Л. Шварца «Обыкновенное чудо», функции мифемы в создании образа и развитии основных тем и мотивов произведения. В работе охарактеризован культурно-исторический контекст генезиса, написания, постановки и публикации пьесы.

Ключевые слова: драматургия, мифемы, пьесы, русская литература, русские писатели.

Текст пьесы до её постановки и публикации в 1956 году неоднократно подвергался изменениям. Генезис и реализация «Обыкновенного чуда» составляют большую протяженность во времени, охватывают широкий пласт советской эпохи, от Великой Отечественной войны и до развенчания культа личности Сталина. Задумана пьеса была в 1944 году, когда писатель находился в эвакуации.

Образы героев в пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» создаются посредством совмещения нескольких